

Власова Ольга Петровна – преподаватель кафедры «Философия и социология» Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, кандидат философских наук

Гендерные культурные студии: опыт и реальность в феминизме

В статье рассматривается понятие «женского опыта», вопросы изучения «женских голосов» в литературе и культуре, а также способы теоретического описания знания, сохраняющего связь с женским опытом.

У статі розглядається поняття «жіночого досвіду», питання «жіночих голосів» в літературі та культурі, а також засоби теоретичного опису знання, яке зберігає зв'язок із жіночим досвідом.

The article deals with the concept of «women`s experience», the issues of «women`s voices» in literature and culture along with the ways of the theoretical description of knowledge connected with this type of experience.

Один из центральных вопросов феминистских дискуссий, посвященных анализу и оценке женского опыта в истории западной культуры, на протяжении последней четверти века формулируется без изменений: может ли феминистская культурология опираться на свою собственную целостную теорию или же она является дополнением к иным версиям культурных исследований. Следует заметить, что при этом некоторые ученые считают неправомерным отделять феминистскую культурологию от других радикальных перспектив изучения культуры в терминах политического разделения труда [1, с. 114]. И все же большинство теоретиков гендера полагают, что феминистская критика как одна из самых важных составляющих феминистского культурного проекта должна быть

достаточно сильной, чтобы отражать атаки «из вне», обвиняющие феминистскую критику в намеренной самоограниченности и самоизоляции. Стандартный ответ на вопрос ортодоксов о том, зачем нужно выделять феминистскую критику, звучит следующим образом: феминистский культурный проект так важен, потому что один из ключевых инструментов мужского доминирования – это лишение женщин «голоса», их «немота» в культуре [2].

Невозможно понять современные дискуссии о природе женщины и ее роли в культуре, не учитывая тот богатый женский опыт, который был приобретен писательницами, переводчицами, общественными деятельницами и т.д., и потому проблема женского творчества вызывает повышенный интерес в современном мире. Н. Габриэлян, отмечая те «белые пятна», которые существуют сегодня в науке, пишет: «Особенно малоизученной областью является женское творчество – не отдельные имена и произведения, но феномен в целом [3, с. 174].

Женская литература – одна из наиболее продуктивных разновидностей женского творчества, в которой закрепляется культурный опыт. Изучение женской литературы – интересная и актуальная область не только литературоведения, но и психоанализа, философии, лингвистики, в целом, феминистского и гендерного дискурса (В. Вулф, Э. Сиксу, А. Колодны, С. Гилберт, С. Губар, Т. Мои и др.).

В исследованиях украинских ученых особое внимание уделяется рассмотрению творческих портретов таких выдающихся женщин, оставивших яркий след в культуре Украины, как Н. Хвоцинская (граф Крестовский), М. Вовчок, М. Вернадская, А.Энгельгардт, С. Ковалевская, Н. Сулова, Е. Конради и др. [4].

Обозначив изучение женского опыта в качестве одной из главных задач феминистской эпистемологии, многие западные ученые с необходимостью указывают на то, что понятие женского опыта как такового искусственно и, хотя иногда удобно пользоваться именно этим термином, объективно такой

сущности нет [5, с. 181]. Представительницы постфеминизма утверждают, что допустить возможность его существования означало бы скрыть коренные различия, существующие между отдельно взятыми женщинами и обусловленные, в первую очередь, влиянием расы, этноса и класса. Исследователи подчеркивают, что искусственность концепции женского опыта (как единого целого) во многом связана со стереотипными представлениями о женской (и мужской) природе со всеми вытекающими социокультурными последствиями [6].

Однако справедливо замечание, что даже если отбросить стереотипы, трудно представить опыт во всей его чистоте. Опыт всегда опосредован положением субъекта во времени, пространстве, культуре и среде и, кроме того, в большой степени зависит от подсознательных суждений и мотивов. Безусловно, все вышесказанное не уменьшает значение того, что опыт формируется под влиянием гендерной принадлежности субъекта, – при этом нужно подчеркнуть значение понятия «гендер» в качестве социокультурного конструкта. К. Джиллиган в своей знаменитой работе «Другим голосом» утверждает, что несмотря на то, что различные способы проявления нравственности традиционно делятся по гендерному признаку, это происходит вследствие исторической случайности, а не биологических законов, и оба способа (оба голоса) доступны в принципе и мужчинам, и женщинам [7]. И хотя женский опыт по-прежнему находится в «мейнстриме» феминистской литературной критики, следует все же заметить, что феминистская теория культуры значительно шире, развиваясь во многих направлениях (например, синемафеминизм). Последнее утверждение не уменьшает роли литературной критики: самые важные критические подходы в феминистском культурном проекте следуют из методологии анализа текстов таких ученых, как К. Миллетт, С. Фелман, А. Колодин, А. Дворкин, базирующейся на общей постмодернистской идее рассмотрения культуры как текста.

Феминистская литературная критика, как и более широкая феминистская культурология, сосредоточена на двух главных проблемах: она фокусируется на отсутствии женщин-писателей, публицистов и т.д., в целом, женского опыта и женских «голосов» в огромном каноне мужской официальной литературы и культуры, а также обращается к сексистской репрезентации женщин в культуре и литературе. Критики-феминисты канонизируют женщин, подвергая деконструкции установленные каноны литературных образов и персонажей, что освобождает место для женщин в каноне, где доминируют мужчины, доказывая, что женщины дали миру важные литературные и культурные труды, которые нужно изучать. Эта феминистская атака преследовала, как уже отмечалось, две цели: признание существования «женского письма», отличного по своей природе от «мужской» или патриархатной литературы, и утверждение универсализирующей роли «мужской» литературы, давшей в результате некое «бесполое» андрогинное воображение [8]. Выдающиеся представительницы французской «*écriture féminine*», сосредоточившись на интеллектуальных источниках и резкой критике фаллоцентризма, выдвинули концепт женского письма, где ключевым понятием была самая тесная связь с анализом «*difference*» Деррида. Для Х. Сиксу, например, фемининные тексты – это те тексты, которые работают на «различии», подрывая доминирующую фаллоцентрическую логику, раскалывая закрытость бинарной оппозиции и показывая незавершенность, открытость женской текстуальности. Одновременно феминистская критика патриархатной литературы исследовала женоненавистничество литературной практики: стереотипы женских литературных образов, текстуальное подавление женщин в классической и массовой литературе, исключение женщин из истории литературы и т.д. Но, как отмечают многие критики-феминисты, у женской эстетики (или гинесиса) были серьезные слабости, опасно приближающие ее к сексистскому эссенциализму. Гинокритика, стремящаяся разрешить некоторые из этих проблем, утвердила женские произведения как

центральный объект феминистской критики, но отвергла концепцию особой женской сущности, особого опыта и стиля [9, с. 324]. Труды гинокритиков повлекли за собой большое число работ по философии, истории, религии, где утверждались, например, ценности материнства (кормление, забота, ненасилие и т.д.) и звучали призывы перестроить общество на этих началах (К. Джиллиган, Н. Чодороу, Э. Уокер и др.). Дж. Лидофф, Дж. Гардинер и др. считают, что текучие границы женского «эго» влияют на условности сюжета и жанра, сглаживают границы между романтизмом и реализмом и т.п. Здесь очевидна связь женской эстетики с общим постмодернистским размытием границ, прославлением гетерогенности и различий.

Таким образом, феминистская критика открывает канон, интерпретирует и переписывает историю. Более того, она идет дальше, делая фундаментальный шаг с точки зрения политизированных в постмодерне исследований культуры, настаивая на том, что феминистская критика сама по себе является вкладом в культуру, политизируя вопросы культурного производства, практики и интерпретации, становясь жизненно важной частью самой культуры. Не будучи просто отражением культуры или средством культивирования определенного наследия, феминистская критика активно вмешивается в культурный дискурс в качестве трансформативной практики, действительно имеющей на это право.

Как отмечается, феминистская критика вовлечена также в другие политики культуры, например, в педагогику, и ученые-феминисты настаивают, что обучение студентов с феминистской перспективой – это важный и имеющий позитивные последствия вклад в политические изменения. Особенно подчеркиваются следующие различия: такое обучение пробуждает самосознание в женщинах, стремящихся создавать культуру, а не просто интерпретировать ее. И в этом смысле феминистская критика является и политической, и интеллектуальной практикой. Феминистскую критику иногда упрекают в ее излишней интеллектуальности, используя известное выражение: «Тот, кто не в состоянии делать, критикует». Тем не

менее в случае с академическим обучением, когда площадкой этой критики становится студенческая аудитория, – это не совсем верно, поскольку здесь критика уже является действием. Еще одной важной целью феминистской культурной критики является децентрализация власти мужчин, маскулинного доминирования в различных официальных канонах и жанрах. Подчеркивается, что такое же беспокойство вызывает не только отсутствие женщин в каноне, но и инсталляция мужчин в качестве тех, кто говорит вместо женщин – универсальных субъектов мировой истории.

Как уже отмечалось, значительная часть постструктуралистский феминистской критики фокусировалась на проблеме «голосов», выражающих культуру, «точек зрения» («standpoints»), выдвигающих требования к знанию, что вовлекало рассмотрение самых разных вопросов: от гендера до класса и расы. При этом маскулинная «точка зрения» деконструируется как безусловно частичная, отражающая претензии части общества с особым интересом: – интересом в существовании гегемонии мужчин над женщинами. «Человек» говорит партикулярным голосом мужчин, а «Истина» – это партикулярные истины тех, кто обладает властью и создает официальное знание. Феминистская критика помогает женщинам обрести свой «голос», поскольку деканонизация подразумевает децентрализацию мужских претензии «говорить от имени человечества» – говорить от имени каждого мужчины и любой женщины. Канонизация женщин не обходится без вопросов об утонченном андроцентризме культуры, поскольку феминистская теория культуры реагирует на зачастую неявную маскулинность культуры, исследуя способы создания мужских «голосов», говорящих от имени женщин, и здесь роль женского «опыта» трудно переоценить.

Благодаря феминистской критике сейчас уже совершенно очевидно, что андроцентричный характер традиционной философии поставил ее в жесткие рамки, придав ей определенную тенденциозность. Понимая, что философские труды очень разнообразны, чтобы делать какие-либо

поверхностные обобщения, можно все же утверждать, что феминистская критика ставила (и ставит) в центре своего внимания же философские темы, которые зачастую использовались для угнетения женщин. Именно поэтому по-прежнему актуальна разработка методов изучения индивидуального опыта и структур, которые влияют на его формирование.

Литература:

1. Agger B. *Cultural Studies as Critical Theory*. – London: The Falmer Press, 1998. – 217 p.
2. Silverman K. *The Subject of Semiotics*. – New York: Oxford University Press, 1983.
3. Габриэлян Н. М. Фантомные пространства требуют человеческих жертв (о современной русской женской прозе)// *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 3. – С. 173-182.
4. Погребная В. Л. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н. Д. Хвоцинской (60-80-е годы XIX столетия). – Запорожье: ЗГУ, 2003. – 242 с.
5. Code L. Toward a «Responsibilist» Epistemology // *Philosophy and Phenomenological Research*. – Vol. 45. – № 1, – P. 29-50.
6. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии. – Киев: Генеза, 2007. – 291 с.
7. Gilligan C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women`s Development*. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1982.
8. Moi T. *Sexual/Textual Politics*. – London and New York: Routledge, 2002. – 221 p.
9. Шоултер Э. Наша критика: Автономность и ассимиляция в афро-американской и феминистской теоретической литературы// *Современная литературная теория. Антология*. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 314-333.

